

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

приглашает Вас посетить

архитектурно-археологический семинар

**Средневековая христианская архитектура:
взаимодействие традиций
Запада и Востока**



Санкт-Петербург
2012

Программа заседания 5 апреля 2012 г.

Начало заседания в 10.30.

Ж.-П. Кайе (Университет Париж-Запад (Нантер, Дефанс)).

Базиликальная купольная архитектура между VI и XI в.: свидетельство культурного влияния Востока на Западе?

О. М. Иоаннисян (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург).

Сплав традиции Византии и романского Запада в зодчестве Древней Руси конца X - первой половины XIII в.

А. Ю. Виноградов (Институт всеобщей истории РАН, Москва),

Д. В. Белецкий.

Проблема «купольного зала» в церковной архитектуре восточнохристианского мира.

С. В. Мальцева (Санкт-Петербургский государственный университет)

Купольная базилика и крестовокупольный храм между Востоком и Западом: некоторые проблемы изучения на примере раннехорватской и сербской средневековой архитектуры.

Заседание состоится 5 апреля 2012 г. (четверг)

в Зале Совета Государственного Эрмитажа.

Начало заседания в 10.30.

Регламент выступлений 30 минут.

Оргкомитет:

О. М. Иоаннисян

Д. Д. Ёлшин

Е. Ю. Ендольцева

На обложке:

рельеф тимпана западного портала церкви Богородицы в Студенице (Сербия). По: V. Korać, M. Šuput. Byzanz. Architektur und Ornamentik. Düsseldorf und Zürich, 2000.

Jean-Pierre Caillet (Université Paris Ouest (Nanterre, La Défense)).

L'architecture basilicale à coupole entre VIe et XIe siècles: témoignage d'échanges d'Orient en Occident?

Il s'agit ici de faire retour sur le problème des possibles origines orientales de l'art roman d'Occident : origines postulées au début du XXe siècle par Josef Strzygowski, comme l'on sait ; mais largement rejetées ensuite par les spécialistes du monde latin. Le débat a cependant été réouvert en 2000 par Eric Fernie, sur la base de rapprochements morphologiques très étroits entre Saint-Vincent de Cardona en Catalogne (un des édifices emblématiques de la « première architecture romane méridionale »), Saint-Fructueux de Capodimonte à Portofino en Italie nord-occidentale et le Myrelaion (Bodrum Camii) de Constantinople. Les traits communs de ces églises sont le voûtement intégral et, dans un plan à trois nefs, la présence d'une coupole à l'articulation de la nef centrale et d'un transept ; ces caractéristiques, appelées à rapidement se diffuser ensuite, innovent dans un panorama occidental où, jusque là, dominait très nettement le parti basilical simple avec couvrement en charpente.

On peut renforcer l'hypothèse de Fernie en renvoyant à nombre d'autres exemples des IXe-XIe siècles tant en Croatie qu'en Grèce et qu'en Turquie, et enfin à des équivalents bien attestés du VIIe au XIe siècle dans les régions subcaucasiennes. Ainsi obtient-on une véritable « chaîne » depuis les rives orientales de la Mer Noire jusqu'à la Méditerranée occidentale. La profonde imbrication de la composante arménienne dans le monde médio-byzantin, ainsi que les contacts – plus importants qu'on ne le croit d'ordinaire – entre Byzance, les Balkans et l'Occident dès le Haut Moyen Âge, peuvent expliquer ces transplantations de schémas architecturaux. Le degré d'élaboration alors incontestablement supérieur des modèles orientaux aurait déterminé leur

ascendant sur les bâtisseurs latins des environs de l'an 1000 ; il suffisait à ces derniers d'opérer les adaptations nécessaires (en particulier, l'allongement des nefs pour l'accueil de communautés de fidèles souvent plus nombreuses, et des dispositifs culturels d'implantation sensiblement différente).

Récemment encore, Christina Maranci a relevé que les chronologies peu fiables de Strzygowski, et les concepts de prédominance raciale qu'il faisait prévaloir, avaient forcément détourné de ses propositions ; cela en admettant que tout n'y était pas négatif. D'ailleurs, Richard Krautheimer adoptait aussi une position assez modérée à ce même égard. Et en effet, si l'on s'affranchit des insuffisances ou déviances majeures de l'ouvrage de Strzygowski, il semble que les nouvelles données dont nous faisons ici état engagent à réenvisager très sérieusement l'éventualité de cette migration de forme architecturales.

Жан-Пьер Кайе (Университет Париж Запад (Нантер, Дефанс)).

Базиликальная купольная архитектура между VI и XI в.: свидетельство культурного влияния Востока на Западе? (перевод Е.Ю.Ендольцевой)

Цель предложенных размышлений — вернуться к проблеме возможных восточных истоков романского искусства Запада. Как известно, эта идея была сформулирована в начале XX века Йозефом Стржиговски, однако впоследствии была отвергнута исследователями. Между тем, дискуссия на эту тему возобновилась в 2000 году по инициативе Эрика Ферни, который обратил внимание на точные морфологические совпадения между церквями св. Винсента в Кардоне (Каталония) (один из характернейших примеров «ранней южно-романской архитектуры»), церкви св. Фруктуса в Каподимонте (Портофино, северо-западная Италия) и Мирелейоном (Бодрум Джами) в Константинополе. Общими чер-

тами этих памятников являются перекрытие сводами и — при плане с тремя нефами — наличие купола над средокрестием. Эти особенности, которые поначалу встречаются достаточно редко, получили затем широкое распространение. Они способствовали совершенствованию западной архитектуры, для которой до того времени был характерен простой базиликальный тип храма с деревянными перекрытиями.

Можно развить гипотезу Ферни, сославшись на многие другие примеры церковной архитектуры IX — XI веков в Хорватии, Греции и Турции, а также на хорошо известные аналогии VII — XI веков на территории Закавказья. Таким образом, можно протянуть цепочку таких памятников от южного берега Черного моря до западного Средиземноморья. Значительное присутствие армянской составляющей в культуре средне-византийского периода, а также контакты (которые имели гораздо большее значение, чем принято считать) между Византией, Балканами и Западом (начиная с эпохи высокого Средневековья) помогают объяснить заимствование архитектурных схем. Степень разработанности моделей, принятых на Востоке, в то время неоспоримо более высокая, чем на Западе, предопределила их все возрастающее влияние на создателей западно-христианских памятников около 1000 года. Этим последним оставалось только осуществить некоторую переработку таких моделей — прежде всего, удлинить нефы, чтобы приспособить их для общин, зачастую весьма многочисленных, а также изменить устройство храмов в части, предопределенной культом, что также предполагало существенные отличия.

Совсем недавно Кристина Маранчи отмечала, что не слишком надежная хронология Стржиговски, как и концепции расового превосходства, которым уделено немалое внимание в его трудах, заставили многих исследователей отвергнуть эти его гипотезы. Однако далеко

не все в них устарело. Ведь и Рихард Краутхаймер также склонялся — пускай и в сдержанной форме — в пользу таких гипотез. Действительно, если преодолеть недостатки и некоторые странности трудов Стржиговски, можно утверждать, что новые данные, о которых идет речь в докладе, заставляют серьезно переосмыслить возможность миграции архитектурных форм.

**О. М. Иоаннисян (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург).
Сплав традиции Византии и романского Запада в зодчестве Древней Руси конца X — первой половины XIII в.**

Древнерусское зодчество домонгольской эпохи (конец X — середина XIII веков) представляет собой одну из ярких страниц в истории средневековой европейской архитектуры. Генетически связанное с архитектурой Византии, оно уже с первых шагов своего развития демонстрирует выраженную тенденцию самостоятельного развития типологических форм. Вместе с тем, оставаясь в русле восточнохристианской традиции, архитектура Древней Руси не была изолирована и от архитектурных процессов, протекавших в романской архитектуре Центральной и Западной Европы.

В зодчестве черниговской земли, начиная с Успенского собора Елецкого монастыря конца XI в., в системе декорации и в некоторых конструкциях отчетливо проявляются отдельные элементы, связанные с воздействием романской архитектуры (крестовые своды, аркатурные пояски, полуколонны на фасадных пилястрах). В типологическом же плане Успенский собор Елецкого монастыря продолжает традицию, заложенную в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря, возведенного византийскими зодчими в обычной для Византии типологической

схеме. Таким образом, на рубеже XI и XII веков в Чернигове складывается новое направление в древнерусском зодчестве, органично сочетающее в себе византийскую основу, выработанную уже в самой Руси типологическую схему здания и стилистику, свойственную романской архитектуре. Истоки этой новой традиции, сложившейся на рубеже XI и XII веков в Чернигове и сочетающей в себе органично сплавленные черты византийской, киевской и романской архитектуры долгое время оставались невыясненными, однако теперь можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что на сложение этого направления помимо византийской и киевской архитектуры значительное воздействие оказала романская архитектура Северной Италии. Новая стилистика в конце 1130-х годов приносится черниговскими мастерами и в Киев (церковь Богородицы Пирогощи и недавно открытая археологическими раскопками церковь на Юрковской улице, Кирилловская церковь), а впоследствии широко распространяется почти по всем древнерусским землям (Волынь, Смоленск, Рязань) и становится определяющим для всего древнерусского зодчества XII века.

Еще более тесными связи с романской архитектурой были в тех школах, которые обязаны ей самим своим происхождением — галицкой и владими́ро-суздальской. В начале XII в. польские мастера принесли с собой на Русь романскую технику строительства из тесаных квадров белого камня. В то же время показательно, что первый же построенный им на Руси храм — церковь Иоанна в Перемышле — представлял собой не романскую базилику или иной тип храма «латинского» образца, а каноничный для православной традиции вариант храма вписанного креста киевского типа. Первые памятники Владимиро-Суздальской земли (церковь Георгия в во Владимире и сохранившиеся церковь Бориса и Глеба в Кидекше под Суздалем и Спасо-Преображенский собор в Пере-

славле-Залесском) выдают руку тех же мастеров, которые работали для галицких князей в Перемышле, Звенигороде и Галиче. В середине XII в. в Галиче работают мастера из Венгрии, которые вновь приносят с собой лишь романскую технику квадратного строительства и систему декорации, но теперь уже с активным использованием профильной резьбы, а также орнаментальной и изобразительной скульптуры. В то же время, целая группа центрических храмов, ротонд и квадрифолиев, была построена в Галиче для нужд не католической, а православной церкви.

Во Владимиро-Суздальской Руси при Андрее Боголюбском обширная строительная программа воплощается мастерами, полученными у императора Фридриха Барбароссы. С этого времени в убранстве фасадов владими́ро-суздальских храмов активно начинает использоваться скульптурная декорация. Показательно, что и в этом случае романские мастера не используют типы храмов, характерные для католического Запада. Принеся с собой романскую строительную технику и систему декорации, они продолжают развивать тот тип храма, который сложился в архитектуре Киева и Чернигова. При князе Всеволоде Большое Гнездо владими́ро-суздальская архитектурная школа пережила новое влияние романской традиции. Стилистический анализ резьбы Дмитриевского собора и поиски ее аналогий в романских памятниках заставляют считать, что это были мастера из Западной Франции (Аквитании, Пуату, Анжумо или Сентонжа).

Начиная с конца XII столетия, древнерусская архитектура окончательно отрывается от византийской традиции и активно развивает совершенно неизвестный в Византии тип башнеобразного храма. В процессе разработки и развития национального типа храма с повышенными конструкциями верхних частей с рубежа XII и XIII веков оказываются включенными все школы древнерусской архитектуры без исключения,

но в каждой из них эта задача решалась различными путями. В очень интересной форме проявился этот процесс в галицком зодчестве рубежа XII и XIII веков. Здесь общая для всего древнерусского зодчества этого периода задача создания храма с повышенной композицией была решена на основе применения сложных подкупольных опор — конструкции, заимствованной из арсенала позднероманской и раннеготической архитектуры (церковь Пантелеймона в Галиче, каменный храм в Василеве на Днестре и церковь Иоанна Златоуста в Холме).

**А. Ю. Виноградов (Институт всеобщей истории РАН, Москва),
Д. В. Белецкий. Проблема «купольного зала» в церковной архитектуре восточнохристианского мира.**

Проблема архитектурного типа «купольного зала» дискутируется в науке уже с начала XX в., когда этот термин (Kuppelhalle) ввел в оборот Й. Стржиговски. Большой и новый материал по этой теме, накопленный в настоящий момент, нуждается в обобщении и осмыслении.

Нет сомнения, что как архитектурный тип «купольный зал» был известен и в византийской светской, дворцовой архитектуре (например, ворота Халки в Константинополе), однако его происхождение: римское или иранское, остается не до конца ясным. Вероятно, что на его использование в церковной архитектуре повлиял престижный столичный образец, не дошедший до нас.

Уже самая ранняя (конец IV в.) церковная Kuppelhalle — храм в Мариальбе — демонстрирует значительные масштабы (диаметр купола — 8 м) и находится при этом на периферии империи — в Испании, где «купольный зал» как тип вряд ли мог возникнуть. Данный архитектурный тип рано начинает подвергаться модификациям: так, в VI — VIII вв. возникают «двухкупольные залы» в малоазиатской Филадельфии и в Апулии.

Начиная с VIII в., мы наблюдаем популярность «купольного зала» в церковном строительстве Византии, в т.ч. и на ее периферии: в Апулии и на Наксосе. В средневизантийское время данный тип становится популярен на Кипре и Крите, в Константинополе и Греции, где влияет на генезис храмов типа «компактно вписанного креста». В дальнейшем он окажет влияние и на формирование церковной архитектуры в Сербии и Болгарии.

Параллельно, «купольные залы» начинают строиться и на Кавказе: сперва в Армении (с VII в.), где получает особое распространение (более 50 построек) с X в., а затем в Тао-Кларджетии, Абхазском царстве, Кахетии и Картли. Среди них были и соборные (Аруч, Аргина), и дворцовые храмы (Ширакаван).

Неверно рассматривать «купольный зал» как периферийный тип в восточнохристианской архитектуре — напротив, он принадлежит к основным ее типам как с точки зрения своей распространенности, так и в плане размеров (диаметр купола в Филадельфии — 15 м) и многообразия функций: он может быть не только пристройкой к основному зданию (как Токлу Деде Месджиди в Константинополе или парекклесии средневизантийской Греции), но и самостоятельным сооружением, в т.ч. и кафедральным собором (Филадельфия, Аруч, Аргина). При этом, в зависимости от функции, могут варьироваться не только размеры, но структура «купольного зала»: без западной или восточной трапезы, с разными опорами и т.д.

Важное достоинство Kuppelhalle — максимальная компактность внутреннего пространства, не расчлененного никакими преградами; близость апсиды к подкупольному квадрату делает алтарь более зримым для верующих. Кроме того, именно в «купольном зале» впервые в христианской архитектуре была решена проблема сочетания купола и лонгитудинального наоса, которая лишь в конце V в. начнет решаться в типе «купольной базилики».

С. В. Мальцева (Санкт-Петербургский государственный университет). Купольная базилика и крестовокупольный храм между Востоком и Западом: некоторые проблемы изучения на примере раннехорватской и сербской средневековой архитектуры.

Становление средневекового искусства на Балканах совпадает с завершающим этапом Великого переселения народов и формированием новой политической карты Европы в условиях широкого расселения здесь славян и хорватов уже к VII в. На смену позднеимперскому и ранневизантийскому периодам приходят новые культурно-исторические формации, как в приморских, так и, позднее (с XII в.), во внутренних сербских областях Балканского региона. Эти территории на долгое время становятся зоной формирования культурно-политической границы «между Востоком и Западом». Несмотря на всю степень условности этого понятия, со временем, характер различий, предопределивших специфику архитектурного развития по разные стороны этого зыбкого рубежа, будет выявляться все отчетливее. Многослойность культурно-исторического контекста Балкан станет главным условием для сложения региональных вариантов зодчества с характерным конструктивно-типологическим и стилистическим разнообразием. Логика этих архитектурных тенденций во многом объяснима активной вовлеченностью рассматриваемых областей в сложные и многосторонние взаимоотношения между крупнейшими центрами Адриатического бассейна и Европы, определяемые как противостояние Новой Римской империи и Византии. Положение между Востоком и Западом также усугублялось спорами Рима и Константинополя о церковной юрисдикции, особенно в Приморских областях в период с конца VII по XII вв.

Очевидно, что в такой ситуации проблемы «влияний», «заимствований» и «аналогий» в развитии балканского искусства западных и цен-

тральных районов оказываются особенно актуальными. В многолетнем опыте изучения архитектуры данного региона было поднято множество спорных вопросов и выдвинут ряд противоречивых гипотез, связанных не только с различными объяснениями происхождения отдельных стилистических особенностей и конструктивных элементов, но и с принципиально разными подходами к типологическому определению памятников. В первую очередь это относится к проблеме истоков и развития однефных купольных храмов, представленных как базиликальным типом, так и крестово-купольными постройками т.н. «сжатого» типа или «слабо выраженного креста». Такие храмы получают распространение, преимущественно концентрируясь в Приморских областях, уже в ранний период (X — первой половины XII в.) Позднее, однефные купольные постройки займут исключительно доминирующее положение в сербской архитектуре рашского периода (середина XII — XIII в.). Однако в каждом из случаев, эти группы памятников, обнаруживают различные истоки и иные условия последующей интерпретации базовых типологических схем. Общим во все периоды развития средневековой архитектуры, рассматриваемых регионов, является неизменное присутствие множественных разносторонних «влияний». По-разному воспринятые и в разной степени проявляемые, они становятся одной из важнейших проблем изучения. Анализ некоторых характерных примеров показывает, что, опираясь лишь на архитектурные критерии, уверенно различить однефные базилики и центрические крестово-купольные постройки с близкой плановой структурой не всегда оказывается легко. Необходимым становится поиск методов, способных обеспечить удовлетворительную степень аргументированности классификаций в ряде таких случаев.

Еще одна важная тема, которая неизбежно выявляется в процессе рассмотрения истории развития купольных базилик и крестово-купольных построек средневекового периода в славянских областях Балкан, касается проблемы устойчивой региональной специфики. «Эклектичность» архитектурных решений, развивающихся здесь на протяжении нескольких столетий, объяснима множеством факторов, однако не может быть сведена к механистически-случайному синтезу образцов, заимствованных из архитектурных арсеналов позднеантичной, раннехристианской, византийской и западно-европейской традиций. Сложные механизмы процессов постепенного сложения и развития сербского регионального зодчества просматриваются на каждом из этапов. Устойчивость многих характерных особенностей (таких как функциональное соответствие трехчастному делению плановой структуры, доминирование однефной типологии, особенности развития периферийных храмовых зон и др.), наряду с бесконечным разнообразием конструктивных и стилистических параметров определялись множеством факторов, находивших окончательное воплощение в ктиторских программах сербских задужбин. «Программность» вместо строительных «традиций» и «школ» – на наш взгляд, является ключом к пониманию логики архитектурных процессов сербского средневекового зодчества. Именно этот аспект необходимо учитывать в первую очередь при анализе значительных трансформаций теперь уже развитых вариантов базиликального и крестово-купольного типа в период следующего, нового усиления византийских и западноевропейских влияний на сербскую архитектуру в пространстве XIV столетия. Это мы попытаемся показать на примере таких значительных архитектурных явлений как храмы в Дечанах и Грачаница.